

КРИТЕРИИ РАЗЛИЧИЯ ПРЕСУППОЗИЦИЙ И КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ ИМПЛИКАТУР*

Соболев Иван Александрович – студент 3 курса бакалавриата ОП «Философия». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; e-mail: iasobolev@edu.hse.ru

В статье исследуются конвенциональные импликатуры и пресуппозиции как основные прагматические феномены для выражения подразумеваемого значения высказывания. Рассматривается важная для философии языка проблема таксономии типов значения и дискуссия вокруг нее. С привлечением примеров исследованы основные общие свойства этих семантических компонентов: проективность, конвенциональность и неотменяемость. Выдвигается критерий для различия частей значения – ориентация импликатур на говорящего. Это уникальное семантическое свойство объясняется в рамках эпистемического подхода, с помощью понятий общего знания и веры агентов. В конце статьи логическое объяснение различий между конвенциональными импликатурами и пресуппозициями сравнивается с теорией импозиций и формальным дискурсивным подходом.

Ключевые слова: импликатура, пресуппозиция, семантика, прагматика, значение, контекст, общее знание

CRITERIA FOR DISTINGUISHING PRESUPPOSITIONS AND CONVENTIONAL IMPLICATURES

Ivan A. Sobolev – Bachelor Student. HSE University. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow 105066, Russian Federation; e-mail: iasobolev@edu.hse.ru

This article explores conventional implicatures and presuppositions as the main parts of utterance's content expressing its implied meaning. The article considers a discussion around taxonomy of meaning types, which is an important problem for the philosophy of language. The main shared properties of these semantic components are examined on various examples: projection, conventionality, and non-cancellability. The article provides a criteria for differentiation of these parts of meaning: implicatures are speaker-oriented. This unique semantic property is explained within the epistemic approach using the concepts of common knowledge and agent's beliefs. At the end, the logical explanation of the differences between conventional implicatures and presuppositions is compared with the theory of impositions and formal discursive approach.

Keywords: implicature, presupposition, semantics, pragmatics, meaning, context, common knowledge

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

1. Границы семантики и прагматики. Проблема таксономии типов значения

Основными частями значения высказывания, выражающими неявный смысл и связанными с конкретным синтаксисом, являются семантические presuppositions и конвенциональные импликатуры, поэтому я выбрал именно их для исследования подразумеваемого значения, связанного с вопросом «семантика/прагматика». Моя статья посвящена проблеме различия и таксономии данных типов значения. Непосредственные исследования в этой области начались уже во второй половине прошлого века в исследованиях Питера Стросона [Strawson, 1950] и Пола Грайса [Grice, 1975]. Наглядным примером, иллюстрирующим эту проблему, является статус частицы *даже* или *even* в английском. Так, в классической работе Столнейкера, «даже» выделяется как конструкция, порождающая семантическую presupposition [Stalnaker, 1973, p. 453]. Такую же позицию занимает Падучева при анализе этой частицы, описывая подразумеваемое значение при ее использовании как «презумпции¹, порождаемые словом *даже*» [Падучева, 1985, с. 73]. В свою очередь Карттунен и Петерс в своем подробном формальном анализе частицы *even* определяют ее как порождающую конвенциональные импликатуры [Karttunen, Peters, 1979, p. 29–31]. Возникает закономерный вопрос: откуда такая путаница? Возможно, presuppositions и конвенциональные импликатуры так похожи, что от одного из этих определений можно отказаться? Или же существуют принципиальные различия между ними, не позволяющие, даже учитывая особенности, объединить их под неким родовым понятием?

До сегодняшнего дня дискуссия по этим вопросам продолжается. Так, главным сторонником независимого существования конвенциональных импликатур является Кристофер Поттс. В своей монографии он исследует эти прагматические феномены с позиций многомерного подхода, разделяющего значение на измерения следствий и конвенциональных импликатур [Potts, 2005]. В свою очередь Лоуренс Хорн считает область импликатур шаткой и неопределенной. Он критикует формальный подход Поттса и считает конвенциональные импликатуры всего лишь разновидностью presuppositions [Horn, 2004]. Наконец, Кент Бах занимает в этом вопросе радикальную позицию, вовсе отрицая существование конвенциональных импликатур как отдельной части значения, называя их мифом [Bach, 1999].

Я ставлю перед собой цель попробовать найти критерии, на основе которых можно различить presuppositions и конвенциональные импликатуры. Для этого необходимо, во-первых, выделить основные общие характеристики этих типов значений – на контрасте с ними

¹ То же, что и presuppositions.

будут яснее видны различия. А во-вторых, найти главные уникальные свойства пресуппозиций и импликатур, способные выступить в качестве критериев для различия. Найденные критерии я попытаюсь объяснить, исходя из эпистемического подхода. Для моего исследования в области философии языка недостаточно простого наблюдения за прагматическими различиями при использовании пресуппозиций и импликатур. В определенной степени формальный эпистемический подход позволит мне лучше понять и систематизировать возможные различия типов подразумеваемого значения.

Именно с позиций знания агентов рассматривал части подразумеваемого значения Грайс, автор термина «импликатура». «Он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q », – так Грайс формулирует условие для использования импликатуры [Grice, 1975, р. 44]. Современные исследователи также используют этот подход при анализе прагматических феноменов. Так, одна из главных работ в этой области [van Eijck, Unger, 2007] анализирует эпистемические характеристики пресуппозиций, но ничего не говорит об импликатурах. Удачной попыткой формализации разных вариаций обмана в коммуникации является статья японского автора Сакама [Sakama et al., 2015].

2. Основные общие свойства как аргумент за объединение понятий

Пресуппозиции и конвенциональные импликатуры являются семантико-прагматическими частями подразумеваемого смысла. Пресуппозиция – это такая информация, которую слушающий и говорящий принимают, чтобы высказывание было осмысленным в данном контексте беседы. Пресуппозиции бывают двух видов: прагматические и семантические. Прагматические пресуппозиции – общие условия речевого общения (общий язык, слышимость и т.п.), тогда как семантические связаны с конкретными конструкциями предложения. Так, предположим, кто-то скажет, что перестал курить. Тогда семантической пресуппозицией (созданной глаголом *перестать*) будет информация о том, что говоривший когда-то курил. Без принятия этой пресуппозиции дальнейший диалог был бы странным, если не бессмысленным. Именно такие феномены я буду рассматривать в этой статье.

Импликатура в своем определении похожа на пресуппозицию. Так называется прагматический компонент высказывания, который отсылает к подразумеваемой, но не выраженной логически части содержания. Импликатуры бывают речевыми и конвенциональными.

Речевые импликатуры не связаны со значением слов. Часто употребляемой речевой импликацией будет ирония, когда слова похвалы, к примеру – *вот молодец*, – приобретают обратный смысл при правильной интонации. Конвенциональными импликациями, вслед за автором этого понятия [Grice, 1975], я называю конвенциональную и логически независимую часть содержания, выражающую его подразумеваемый смысл. В высказывании «он ленивый, но богатый» импликация выражает неявный смысл противопоставления говорящим лени и богатства. Эта подразумеваемая часть исчезнет, если заменить в предложении союз *но* на *и*, хотя логические следствия останутся точно такими же.

Оба эти компонента относятся к неассертивному содержанию высказывания и обладают рядом общих свойств. Данный раздел посвящен разбору схожих базовых свойств пресуппозиций и конвенциональных импликаций, без понимания которых нельзя правильно выделить различия этих семантических частей. Я постараюсь показать, почему эти свойства являются неотъемлемыми как для пресуппозиций, так и для конвенциональных импликаций, а также то, как они понимаются в разных теоретических подходах к анализу понятий лингвистической прагматики.

2.1. Проективность

Рассмотрим следующие высказывания с пресуппозицией:

- (1) а. *Артем перестал шутить над Колей.*
- б. *Артем не перестал шутить над Колей.*
- с. *Возможно, Артем перестал шутить над Колей.*
- д. *Артем перестал шутить над Колей?*
- е. *Если Артем перестал шутить над Колей, то, наверное, он не пришел сегодня на занятия.*

Высказывание (1а) подразумевает, что Артем раньше шутил над Колей, и это семантическая пресуппозиция данного высказывания. Она является семантической, потому что связана с семантикой глагола *перестать*, который выступает в качестве триггера пресуппозиции. Та же самая пресуппозиция сохранится и под отрицанием ассерции (1б), при использовании модального оператора (1с), при вопросе (1д), а также в условном предложении (1е).

Способность пресуппозиции сохраняться в таких контекстах, называемых семейством контекстов проекции, называется проективностью. Для понимания проективности важно соотношение пресуппозиций сложного предложения и пресуппозиций его составных частей. В философии языка это называют проблемой проективности по одноименной статье [Langendoen, Savin, 1971]. В ней авторы предложили считать пресуппозиции сложного предложения объединением

пресуппозиций главной части и придаточных. Этот принцип Лангедун и Савин назвали «гипотезой кумулятивности», и он работает с частью сложных предложений:

(2) *Саша не знает, что собака его друга охотничьей породы.*

Очевидно, что сложное предложение (2) в целом имеет пресуппозицию, что у друга Саши есть собака, вслед за его второй, придаточной частью, что вполне соответствует гипотезе кумулятивности. Однако, как показал Лаури Карттунен [Karttunen, 1973], эта гипотеза часто неверно предсказывает, какие пресуппозиции будут у сложного предложения. Он продемонстрировал это на примерах с условными предложениями, а также в случаях, связанных с нефактичностью:

(3) а. *Если у друга Саши есть собака, то его собака охотничьей породы.*

б. *Саша спросил друга, какой породы его собака.*

В (3а) пресуппозиция о наличии собаки у друга будет только у консеквента, но никак не у всего сложного предложения. В свою очередь из истинности (3б), в том случае если Саша действительно задал такой вопрос, не следует, что у друга действительно есть собака какой бы ни было породы. Для решения проблемы проективности Карттунен развивает подход Лангедуна, вводя разделение семантических операторов на лазейки (holes), затычки (plugs) и фильтры (filters).

Лазейки – это те контексты проекции, которые уже приводились выше, т.е. отрицание, вопрос, модальные операторы и условные предложения. Они пропускают пресуппозиции, даже если семантический оператор направлен на пропозициональное содержание высказывания. Затычки, напротив, блокируют проекцию пресуппозиции. Основными затычками являются нефактивные предикаты (Саша считает/полагает, что...) и глаголы высказывания (Саша сказал/спросил...). Наконец, фильтры предполагают возникновение пресуппозиций в зависимости от ситуации (конъюнкция, дизъюнкция, условные конструкции).

Конвенциональные импликатуры точно так же, как и пресуппозиции, не исчезают в семействе контекстов проекции. Рассмотрим следующие высказывания. В каждом из них есть с конвенциональная импликатура *Марк является специалистом по античной философии*. Она выражена в форме приложения или, иначе, аппозитива²:

(4) а. *Марк, специалист по античной философии, перевел текст Платона.*

б. *Марк, специалист по античной философии, не перевел текст Платона.*

² Аппозитивами также являются вводные наречия и клаузы, относительные части сложного предложения.

- с. *Возможно, Марк, специалист по античной философии, перевел текст Платона.*
- д. *Марк, специалист по античной философии, перевел текст Платона?*
- е. *Если Марк, специалист по античной философии, перевел текст Платона, то его можно будет прочитать.*

Во многом теория проекции конвенциональных импликатур отражает подход, разработанный Карттуненом в отношении проективности пресуппозиций [Karttunen, Peters, 1979]. Большинство типов конвенциональных импликатур схожим образом с пресуппозициями проходят через лазейки. Однако в отношении затычек они ведут себя немного по-разному. Сторонники гипотезы «сильной проективности» конвенциональных импликатур критикуют перенос принципа работы лазеек, затычек и фильтров с пресуппозиций на импликатуры, ведь импликатуры способны проскальзывать через операторы, являющиеся однозначными затычками для пресуппозиций (нефактивные предикаты) [Potts, 2005, p. 78]. В дальнейшем мы увидим эту разницу на примерах, рассматривая уникальные свойства частей подразумеваемого значения.

2.2. Конвенциональность

Конвенциональность является сущностным свойством конвенциональных импликатур, отличающим их от импликатур речевых. Собственно, сам автор этого термина Пол Грайс выделяет конвенциональность как отличительное свойство этих импликатур особого рода: «В некоторых случаях конвенциональное значение употребленных слов определяет, что подразумевается, помимо определения того, что сказано» [Grice, 1975, p. 44].

Таким образом, конвенциональные импликатуры возникают благодаря конкретным словам или конструкциям предложения, поэтому исследователи относят их в большей степени к области изучения семантики, нежели прагматики [Horn, 1996; Potts, 2015]. Не существует единого списка всех репрезентативных элементов для выражения конвенциональных импликатур, тем не менее я приведу перечень основных конструкций, традиционно связанных с ними:

- (5) а. *сочинительные союзы и союзные слова: но, также, однако, зато;*
Петя философ, но богатый. Импликатура: философы редко богатые.
- б. *подчинительные союзы и союзные слова: хотя, поэтому, несмотря;*
Он победил в турнире, несмотря на травму. Импликатура: травма мешает победить в турнире.

- c. *импликативные глаголы: удаваться, пытаться*;
Ане удалось подняться на Эльбрус. Импликатура: Аня пробовала подняться на Эльбрус.
- d. *наречия: тоже, еще, уже, едва*;
Этот стих тоже написал Лермонтов. Импликатура: Лермонтов написал еще стих, кроме этого.
- e. *частицы: даже*
Даже Маша получила двойку. Импликатура: Маша обычно не получает «два».
- f. *антитезы*;
Дмитрий, известный политик, победил на выборах. Импликатура: Дмитрий – известный политик.

Помимо этого, часть авторов расширяют данный список экспрессивами, уменьшительно-ласкательными формами, интонацией, ругательствами и так далее. В наибольшей степени споры о конвенциональных импликатурах вызваны обсуждением списка конструкций, с ними ассоциированных, а также принципа, по которому слова причисляются к таковым. Так, к примеру, глаголы *переставать* и *начинать* приписываются к импликативным, вызывающим конвенциональную импликатуру [Karttunen, Peters, 1979]. Но те же самые глаголы за счет их фазового характера, отражающего протекание во времени, относятся и к триггерам пресуппозиций [Simons, 2013].

Из-за отсутствия четкой грани мы не можем точно отнести какие-то слова именно к триггерам пресуппозиций, а не обычных следствий пропозиции или конвенциональных импликатур. Кроме импликативных глаголов примером могут служить предикаты отношения и наречия способа действия:

- (б) а. *Ваня жалеет, что слишком много выпил.*
- b. *Ваня быстро съел бутерброд.*
- c. *Ваня слишком много выпил.*

В примере (6a) *жалеет* многими исследователями [Karttunen, 1973; Heim, 1992] будет считаться триггером для пресуппозиции (6c). Аргументом в пользу этого является тот факт, что если Ваня не пил, то все предложение становится не ложным (как это было бы с ассерцией), но бессмысленным. Таким образом, сожаление Вани возможно только при условии, что он пил, т.е. это слово является триггером пресуппозиции.

Однако мне такая аргументация кажется странной, особенно если перенести ее на предложение (6b), в котором тоже видят пресуппозицию [Abbott, 2000]. В какой-то мере, действительно, Ваня мог быстро съесть бутерброд только при условии, что он его ел. Но утверждение об этом факте скорее уже лежит в ассерции, и отрицание подразумеваемого содержания не разрушает смысл полностью. Конструкции в примерах (6a) и (6b) отличаются по степени их зависимости

от предыдущего контекста, именно из-за этого возникают проблемы в объединении их под один тип триггеров.

Решить эту проблему позволяет понятие аккомодации пресуппозиции, введенное Дэвидом Льюисом [Lewis, 1979]. Аккомодацией называется процесс достраивания участниками коммуникации пресуппозиций, нужных для интерпретации высказывания. Пресуппозиции разных триггеров различаются по степени легкости их аккомодации. В предложении (6а) с эмотивным глаголом аккомодировать легче, поэтому в нем проще увидеть пресуппозицию, тогда как наречие *быстро* из-за меньшего-дескриптивного содержания хуже поддается аккомодации. Так что триггеры пресуппозиций нужно различать как по возможности аккомодации, так и по характеру зависимости от пропозиционального и подразумеваемого содержания.

Так или иначе, любые пресуппозиции будут порождаться определенными конструкциями. С учетом феномена аккомодации к списку таких триггеров можно также отнести наречия способа действия и имплицативные глаголы. Это свойство конвенциональности роднит пресуппозиции с конвенциональными имплицатурами.

2.3. Неотменяемость

Невозможность отменить пресуппозиции в дальнейшем контексте, которую называют неотменяемостью, я уже частично затрагивал выше в примере (6). Отрицание пресуппозиции в дальнейшем дискурсе приводит к неуспешным высказываниям, как в следующих примерах:

- (7) а. *Ваня жалеет, что слишком много выпил, # но Ваня не пил*³.
 б. *Ваня быстро съел бутерброд, # но Вани не существует.*

Свойство неотменяемости отличает пресуппозиции от речевых имплицатур, которые в силу своей неконвенциональности могут без усилий отменяться участниками коммуникации в дальнейшем дискурсе.

- (8) – *Саша знает английский?*
 – Он знает китайский (речевая имплицатура: Саша не знает английского). Но, на самом деле, английский он тоже знает (имплицатура отменяема).

Несмотря на то, что пресуппозицию нельзя отменить прямым отрицанием, слушающий все еще может применить более сложные конструкции для опровержения подразумеваемого значения. Например: *подожди-ка, секунду, вообще-то, но ведь, разве* [von Fintel, 2004].

³ Неуспешные высказывания обозначаются символом #.

Эти дискурсивные конструкции позволяют слушающему блокировать навязываемое пресуппозициями содержание, если он не согласен с подразумеваемым:

- (9) – *Ваня жалеет, что слишком много выпил.*
– Подожди-ка! Но ведь Ваня не пил вчера.

Поэтому часть исследователей [Green, 2000, p. 461; Atlas, 2004, p. 39] пишут о пресуппозициях скорее как об отменяемых семантических частях содержания. Так, Джей Дэвид Атлас утверждает, что пресуппозиции могут быть отменены как эксплицитно прямым отрицанием, так и в дальнейшем контексте. В качестве примера первого вида отрицания он приводит знаменитое высказывание о причёске французского короля, порождающее пресуппозицию о существовании монарха. Фраза *Король Франции не лыс, потому что нет никакого короля Франции* не будет неуместным высказыванием.

В качестве иллюстрации тезиса Атласа о контекстуальной отменяемости пресуппозиций я приведу свой пример. Моя младшая сестра Даша боится бабайки, который, как она считает, живет у нее под кроватью. Я же уверен, что никакого бабайки не существует, и Даша знает об этой моей позиции. Поэтому, когда перед сном, чтобы ее успокоить, я скажу:

- (10) *Бабайка тебя не утащит, не беспокойся.*

То предложение (10), по мнению Атласа, не породит пресуппозиции о существовании бабайки, поскольку очевидно, что я это сказал, будучи уверенным, что его нет. Тем самым коммуникация останется успешной. Здесь можно вспомнить расселовскую теорию дескрипций с разными прочтениями отрицания. Пресуппозиция не будет порождаться, если под отрицанием будет квантор существования, т.е. «неверно, что существует бабайка, который тебя утащит». В другом прочтении, если под негацией окажется все высказывание, возникнет неоднозначность: «для бабайки неверно, что он тебя утащит». Поэтому стоит отметить, что аргумент Атласа работает односторонне, только по отношению к отрицанию, и, соответственно, мое утверждение *Бабайка тебя утащит* заставит Дашу подозревать, что он все же существует. А это значит, что пресуппозиции отменяемы только частично, что в принципе уже следовало из примера (9). И безусловно, полностью отменяемыми можно назвать только речевые импликатуры, что является одним из главных критериев для различения их и пресуппозиций.

В отношении же конвенциональных импликатур не так много дискуссий об их неотменяемости. Они являются следствиями сказанного и так же, как и обычные пропозициональные следствия, не могут быть непротиворечиво отменены в дальнейшем обсуждении. Хорн подчеркивает, что свойство неотменяемости является одним

из основных для конвенциональных импликатур, роднящим их с пресуппозициями [Horn, 2004, p. 4].

- (11) а. *Надя, выпускница МГУ, работает редактором в издательстве, но Надя не выпускница МГУ (нельзя отменить импликатуру).*
б. *Надя, выпускница МГУ, работает редактором в издательстве, но она не работает редактором (нельзя отменить обычное следствие).*

Таким же образом, как и с пресуппозициями, конвенциональные импликатуры могут отменяться в последующем дискурсе с помощью конструкций прояснения контекста.

- (12) – *Надя, выпускница МГУ, работает редактором в издательстве.*
– *Подожди-ка! Надя ведь училась в ВШЭ.*

Таким образом можно выделить следующие общие свойства пресуппозиций и импликатур. Они подчиняются действию лазеек, затычек и фильтров. Импликатуры и пресуппозиции возникают благодаря конкретным словам и конструкциям высказывания, что делает их конвенциональными. И, наконец, оба компонента содержания являются неотменяемыми в последующем контексте, что отличает их от речевых импликатур.

3. Критерии различия как аргумент против объединения понятий

Теперь, на контрасте со схожими свойствами пресуппозиций и конвенциональных импликатур, можно четче выделить критерии для их различия. В этом разделе я рассмотрю ключевое свойство, которым различаются исследуемые семантические компоненты. Я говорю об ориентации конвенциональных импликатур на говорящего.

3.1. Ориентация на говорящего

Вслед за Джесси Харрисом я буду считать клаузу ориентированной на говорящего, только если говорящий, произнося предложение с этой клаузой, выражает приверженность ее смысловому содержанию [Harris, Potts, 2009]. Обыкновенно в успешной коммуникации большинство наших высказываний являются ориентированными на говорящего. Так, если я скажу: *Москва – столица России*, то я в силу самого высказывания публично выражу свою приверженность утверждению, что Москва является столицей России (конечно, если я утверждаю это искренне).

Если же мы будем сравнивать импликатуры и пресуппозиции на предмет ориентации на говорящего, мы должны посмотреть на эти семантические компоненты под действием предикатов пропозициональной установки (*думать, предполагать и т.д.*). Во-первых, как уже было сказано, согласно гипотезе сильной проективности импликатура будет сохраняться под предикатами-затычками. Во-вторых, в этом контексте будет видно, что конвенциональные импликатуры даже во вложении ориентированы не на субъекта высказывания, а на говорящего, тогда как пресуппозиции застревают в придаточном и не будут информацией, разделяемой говорящим. Рассмотрим эту разницу на следующем примере:

- (13) а. *Оля думает, что ее подруга Вика, убежденная вегетарианка, ест стейки.*
б. *Оля полагает, что этому придурку Пете дали повышение.*
с. *Оля предполагает, что ее подруга Вика бросила курить.*
д. *Оля считает, что все пары завтра будут в онлайн-формате.*

Конвенциональные импликатуры из (13а) (апозитив) и (13б) (экспрессив) будут ориентированы на произносящего эти высказывания. В первом случае *убежденная вегетарианка* – это комментарий говорящего о подруге, не относящийся к мыслям Оли. Помимо прочего, это приложение нельзя успешно отменить в последующем контексте, не рискуя породить противоречие, и оно так же будет оставаться ориентированным на говорящего в контексте проекции. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем с экспрессивом в (13б). Конечно, Оля тоже может испытывать негативные эмоции по отношению к Пете, тем самым как бы поддерживая высказанную характеристику, однако это не является логическим следствием предложения (13б).

Обратная ситуация наблюдается в случае с пресуппозициями. Информация о том, что Вика когда-то курила (13с) и что завтра будут пары (13д), утверждается исключительно Олей и может без противоречия не разделяться говорящим. В случае, когда пресуппозиции в (13с) и (13д) не соответствуют действительному положению вещей, известному участникам беседы, неприемлемыми все еще будут убеждения Оли, но не само высказывание о них. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что конвенциональные импликатуры (в отличие от пресуппозиций) будут ориентированы на говорящего, вне зависимости от синтаксического строения высказывания [Bach, 1999; Potts, 2007].

Но такое резкое обобщение, как показали последующие исследования, было чересчур поспешным. В «Обзоре на Логiku конвенциональных импликатур Кристофера Поттса» [Amaral et al., 2007] авторы приводят многочисленные примеры, в которых конвенциональные импликатуры непривычно ориентированы на субъекта высказывания. Когда мнения говорящего и субъекта поляризованы, т.е.

сильно расходятся (например, если говорящему известно, что субъект – шизофреник/параноик), конвенциональные импликатуры будут отнесены к мнению того, о ком идет речь в высказывании. Это наблюдается и в случае аппозитивов, и с относительными конструкциями, и с экспрессивами.

В подтверждение этого тезиса в уже упомянутой статье Харриса (2009) приводятся эмпирические данные, полученные в ходе опросов и исследований корпусов текстов. Результаты экспериментов ожидаемо указывают на сильную корреляцию между вложенностью импликатуры в область предиката и ее интерпретацией как не ориентированной на говорящего [Harris, 2009, p. 8–10]. Другой опрос, посвященный прочтению экспрессивов, показал более любопытные результаты. В нем исследователи просили респондентов ответить, кому принадлежит эмоционально окрашенная оценка в двух противоположных по контексту ситуациях:

- (14) а. *Моя одноклассница Маша сказала, что у ее соседки (абсолютно)⁴ лучшее чувство юмора. Идиотка никогда не замолкает.*
 б. *Моя одноклассница Маша сказала, что у ее соседки (абсолютно) худшее чувство юмора. Идиотка никогда не замолкает.*
 с. *Моя подруга Саша сказала, что симпатичный курьер всегда (так) мил с ней. Козел уже пытался соблазнить ее в прошлом.*
 д. *Моя подруга Саша сказала, что симпатичный курьер всегда (так) груб с ней. Козел уже пытался соблазнить ее в прошлом.*

Как показали результаты эксперимента, в случаях (14а) и (14с) и подобных им, 88% опрошенных назвали ругательство мнением говорящего. Но в негативном контексте, не так сильно противопоставленном предложению с экспрессивом, только чуть больше половины респондентов отметили импликацию как ориентированную на говорящего. Кроме того, усилитель не сыграл особой роли для поляризации контекста и не повлиял существенно на выбор опрошенных [Harris, 2009, p. 17–20].

Результаты двух опросов Харрис интерпретирует следующим образом. По его мнению, прочтения аппозитивов и экспрессивов в большей степени зависят от прагматики и контекста и в гораздо меньшей степени – от синтаксической конфигурации вложения (в пользу чего также свидетельствует слабое влияние усилителя). Таким образом, ориентация на говорящего остается семантическим свойством конвенциональных импликаций, позволяющим отличать их от пресуппозиций. Обратные же интерпретации носителями языка вызваны прагматическими обстоятельствами.

⁴ Данное предложение употреблялось в двух вариантах: с усилителем «абсолютно» и без него. Вслед за авторами статьи я указал усилитель в скобках, чтобы не дублировать предложения. В (14b)–(14d) ситуация аналогична.

3.2. Эпистемический подход. Систематизация различий

В предыдущем разделе я выделил ориентацию на говорящего как свойство, с помощью которого можно различать импликатуры и пресуппозиции. Но особенности этого свойства остались совершенно непроясненными. Каким образом ориентация на говорящего влияет на наше общение? Почему мы используем одни, а не другие конструкции для выражения подразумеваемого значения? Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, я обращаюсь к эпистемическому подходу, рассматривающему знание агентов. Во-первых, потому что это традиционный в рамках исследований типов значения подход [Grice, 1975; Stalnaker, 1973, p. 44]. А во-вторых, потому что в социальной жизни крайне важно отделить мнение говорящего от того, что обсуждается по существу (at-issue content). Как и понимать, какую информацию собеседник пытается вам навязать.

Чтобы понять, что все-таки подразумевается под ориентацией на говорящего, я воспользуюсь понятием *common ground* или общим фоном разговора. Столнейкер определяет его как «то, что является общим знанием среди участников разговора» [Stalnaker, 2002, p. 706]. Общее знание – это ситуация, в которой агент знает, во-первых, что p ; знает, что он знает p ; знает, что он знает, что он знает p и так далее⁵. А, во-вторых, агент обладает аналогичным знанием об остальных собеседниках. Далее я буду сокращать такое знание как C , оно будет формальной экспликацией для *common ground*. Соответственно общеизвестная информация (часть *common ground*) будет общим знанием для группы агентов: C_{gr} .

Тогда пресуппозицией я назову ту неявную часть содержания, которая должна стать общим знанием говорящего и слушающего после объявления высказывания. По сути, это значит, что подразумеваемое значение, выраженное пресуппозицией, может навязываться слушающему как необходимая для осмысленности разговора информация. Это свойство пресуппозиций напрямую связано с их неотменяемостью. В терминах общего фона разговора пресуппозиция p будет общим знанием говорящего (speaker – S) и слушающего (hearer – H): $C_{s,hr}$.

Употребление конвенциональных импликатур меняет фон разговора по-другому. Чтобы показать эту разницу, нужно различить знание агентов и их мнение или веру (belief – B). Мнение, в отличие от знания, является нефактическим. То есть, например, если кто-то верит в существование единорогов, это не значит, что единороги существуют. Вера агента нужна, чтобы отразить ориентацию конвенциональной импликатуры на говорящего. После того как кто-то произнес

⁵ Подробней о формализации знания в семантике возможных миров Крипке написано в работах [Racuit, 2013; Долгоруков, 2017].

высказывание с импликатурой Γ , она не станет сразу частью common ground. Для слушающего такое высказывание станет индикатором того, что говорящий верит в подразумеваемое содержание. То есть у собеседников будет общее знание только о мнении говорящего: $C_{s,h}B_{h\Gamma}$.

Рассмотрим эту разницу на следующем примере:

- (15) а. *Лена перестала читать лекции.*
 б. *Лена сейчас не читает лекции и раньше их не читала.*
 с. *Лена – хороший врач, но любит фильмы Феллини.*
 д. *Лена – хороший врач и любит фильмы Феллини.*

В предложении (15а) семантика глагола *перестать* порождает пресуппозицию о том, что Лена в прошлом читала лекции. А это значит, что для осмысленности диалога в дальнейшем необходимо условие знания подразумеваемой части содержания. Таким образом, после произнесения (15а) у агентов будет общее знание. Высказывание (15б) подчеркивает на контрасте с (15а) особенности использования пресуппозиции. Первая его часть *сейчас не читает лекции* на уровне логических следствий утверждает то же, что и (15а). Но это вовсе не является обязательным условием для перехода к тому, что в прошлом Лена этим занималась. Это видно из второй части (15б) *и раньше их не читала*, вполне уместной в употреблении.

Союз *но* в (15с) создает конвенциональную импликатуру о противопоставлении способностей Лены в медицине и ее симпатий к итальянскому режиссеру. Однако слушающий вовсе не должен принимать это разделение. То есть после объявления (15с) оба агента будут знать о мнении говорящего $C_{s,h}B_{s\Gamma}$, но сам факт этой дихотомии между *хороший врач* и *любит Феллини* общим знанием не будет. Отмечу, что в (15д) в отсутствие союза *но* слушающий узнает только о самих двух фактах о Лене, но не о мнении говорящего.

3.3. Импозиция и дискурсивный подход

Альтернативной формализацией частей подразумеваемого значения является дискурсивный подход. Прежде чем перейти непосредственно к его методам, необходимо разобрать два ключевых понятия этого подхода – пропозиция и импозиция. Термин «пропозиция» означает основную для дискурса информацию, которую говорящий выносит на обсуждение и которая принимается или не принимается слушающим [Farkas & Bruce, 2010, p. 1–3]. Другая же, вспомогательная и второстепенная, часть содержания высказывания называется импозицией.

Импозиция – это информация, которую говорящий навязывает (от англ. *to impose*) слушающему, добавляя ее к общему фону участников дискурса без обсуждения [AnderBois et al., 2010, p. 5–6]. Чаще

всего импозицию порождают аппозитивные конструкции, показатели источника информации (*говорят.../ходят слухи...*), а также вводные конструкции. Чтобы отличить импозицию от пропозиционального содержания, исследователи прибегают к двум критериям. Во-первых, импозиция сама по себе не отвечает на обсуждаемый вопрос, а лишь дополняет пропозицию. Во-вторых, импозиция будет проективной по отношению к контексту последующего отрицания [Попова, 2022, с. 112–113].

Дискурсивный подход основывается на модели, рассматривающей контекст обсуждения как множество возможных (исходя из знаний и мнений участников беседы) миров, которое называется контекстным множеством CS (context set). Динамический аспект дискурсивного подхода заключается в том, что предлагаемое и импозиция рассматриваются как высказывания, способные исключать миры из CS. То есть обе части содержания обладают общей способностью информативно обновлять контекст. К примеру, мое контекстное множество ограничено тремя мирами, в первом из которых у меня положительный тест на ковид $CS = \{w_1, w_2, w_3\}$. После того как врач объявит об отрицательном анализе $N = \{w_2, w_3\}$, контекстное множество изменится $CS' = \{w_1, w_3\}$. В случае обновления с помощью пропозиции слушающий должен с ней согласиться. А обновление импозиции происходит автоматически, без согласия слушающего [Stalnaker, 1978, p. 325–327].

Для этой статьи важен вопрос, как в рамках дискурсивного подхода соотносятся с понятием импозиции рассматриваемые мною части значения высказывания. Пресуппозиции обновляют контекст автоматически, но не информативно – и в этом расходятся с импозициями. Рассмотрим эту особенность на следующем примере:

(16) *Пушкин выстрелил в Дантеса, который тоже в него выстрелил.*

В предложении (16) контекст сначала неавтоматически и информативно обновит предлагаемая часть *Пушкин выстрелил в Дантеса*. Затем при помощи относительного придаточного предложения должно произойти следующее обновление, похожее на импозицию. Но в относительной клаузе мы видим два триггера пресуппозиций подряд: наречие *тоже* и местоимение *него*. Для успешного обновления контекста необходимо, чтобы оба эти триггера последовательно прошли успешную проверку предшествующим контекстом. Пресуппозиции срабатывают, потому что в предлагаемой части тоже есть кто-то, кто уже стрелял, отличный от Дантеса (Пушкин). Поэтому пресуппозиции рассматриваются как ограничения или предварительные условия для текущего информационного состояния, но не как информативное обновление. Об этом же пишут ван Эйк и Унгер, подчеркивая, что использование высказывания *p* с пресуппозицией

будет неуспешным, если «р совместимо с контекстной моделью, но еще не общеизвестно» [van Eijck, Unger, 2007, p. 7].

Конвенциональные импликатуры в свою очередь можно объединить с понятием импозиции. Традиционные конструкции, ассоциированные с импликатурами (апозитивные, вводные), совпадают с теми, что вызывают импозицию. Они тоже обновляют контекст автоматически и информативно. А эпистемический подход уточняет лишь тот момент, что импликатуры автоматически осведомляют агентов о приверженности участника дискуссии подразумеваемому значению. Тем самым объясняет их ориентацию на говорящего.

4. Заключение и перспективы исследования

Пресуппозиции и конвенциональные импликатуры, несмотря на общие свойства проективности, конвенциональности и неотменяемости, являются независимыми и уникальными частями значения высказывания. Исходя из критерия ориентированности на говорящего, эти прагматические феномены можно отличить друг от друга. А эпистемический подход позволяет объяснить эту разницу, демонстрируя особенности изменения знания агентов. Так пресуппозиция становится непосредственной частью общего фона разговора ($C_{s,H}$), а импликатура вложена под оператор веры и указывает на мнение говорящего ($C_{s,H}V_{sF}$).

Тем не менее в завершение статьи я хотел бы подчеркнуть нерешенную проблему неоднородности конвенциональных импликатур как класса значений. Экспрессивы и апозитивы отличаются от других классических конструкций, порождающих импликатуры. Можно сказать, что *даже, но* и подобные им триггеры будут в большей степени конвенциональны. Определенная семантика этих конструкций (подчеркивают необычность ситуации) во всех случаях использования проявляется одинаково. Поэтому остается не до конца проясненной их связь с классом импозиций, ведь не все триггеры конвенциональных импликатур похожи на них по свойствам. Апозитивы и экспрессивы часто почти неотличимы от материальной части предложения и не всегда обновляют контекст автоматически.

Схожая трудность возникает и с пресуппозициями. Представляется целесообразным изучить конструкции, вызывающие наибольшие трудности для их классификации, с учетом результатов моего исследования. Анализ фазовых глаголов и разных триггеров конвенциональных импликатур с привлечением эмпирических исследований (опросы, анализ корпусов текстов) может пролить свет на эту проблему.

Список литературы

Долгоруков, 2017 – Долгоруков В.В. Эпистемические пресуппозиции и классификация ассертивов // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 92–105.

Падучева, 1985 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.

Попова, 2022 – Попова Д.П. Место импозиции в типологии значений // Вопросы языкознания. 2022. № 6. С. 111–122.

References

Abbott, 2000 – Abbott, B. “Presuppositions as Nonassertions”, *Journal of Pragmatics*, 2000, vol. 32, no. 10, pp. 1419–1437.

Amaral et al., 2007 – Amaral, P., Roberts, C., Smith, E. “Review of The Logic of Conventional Implicatures by Chris Potts”, *Linguistics & Philosophy*, 2007, no. 30, pp. 707–749.

AnderBois et al., 2010 – AnderBois, S., Brasoveanu, A., Henderson, R. “Crossing the Appositive/At-issue Meaning Boundary”, *Semantics and Linguistic Theory*, 2010, no. 20, pp. 328–346.

Atlas, 2004 – Atlas, J.D. “Presupposition”, in: Laurence, R. Horn, Gregory Ward (eds.) *The Handbook of Pragmatics*. Malden, MA & Oxford: Blackwell, 2004, pp. 29–52.

Bach, K. “The Myth of Conventional Implicature”, *Linguistics and Philosophy*, 1999, no. 22 (4), pp. 327–366.

Dolgorukov, V.V. “Epistemicheskie presuppozicii i klassifikacija assertivov” [Epistemic Presuppositions and the Taxonomy of Assertives], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 92–105. (In Russian)

Farkas, Bruce, 2010 – Farkas, D.F., Bruce, K.B. “On Reacting to Assertions and Polar Questions”, *Journal of Semantics*, 2010, no. 27 (1), pp. 1–26.

Green, M. “Illocutionary Force and Semantic Content”, *Linguistics & Philosophy*, 2000, no. 23, pp. 435–473.

Grice, 1975 – Grice, H.P. “Logic and Conversation”, in: P. Cole and J.L. Morgan (eds.) *Syntax and Semantics*, vol. 3, Speech Acts, New York: Academic Press 1975, pp. 41–58.

Harris, Potts, 2009 – Harris, J.A., Potts, C. “Perspective-shifting with Appositives and Expressives”, *Linguistics and Philosophy*, 2009, no. 32 (6), pp. 1–38.

Heim, 1992 – Heim, I. “Presupposition Projection and the Semantics of Attitude Verbs”, *Journal of Semantics*, 1992, no. 9 (3), pp. 183–221.

Horn, 1996 – Horn, L.R. “Presupposition and Implicature”, in: Sh. Lappin (ed.) *The Handbook of Contemporary Semantic Theory*. Blackwell Reference, 1996, pp. 299–319.

Horn, 2004 – Horn, L.R. “Implicature”, in: L.R. Horn, G. Ward (eds.) *The Handbook of Pragmatics*. Malden, MA & Oxford: Blackwell, 2004, pp. 3–28.

Karttunen, Peters, 1979 – Karttunen, L., Peters, S. “Conventional Implicature”, *Syntax and Semantics*, 1979, no. 11, pp. 1–56.

Karttunen, 1973 – Karttunen, L. “Presuppositions of Compound Sentences”, *Linguistic Inquiry*, 1973, no. 4 (2), pp. 169–193.

Langendoen, Savin, 1971 – Langendoen, D.T., Savin, H. “The Projection Problem for Presuppositions”, in: Ch.J. Fillmore, D.T. Langendoen (eds.) *Studies in Linguistic Semantics*. Irvington, 1971, pp. 54–60.

Lewis, 1979 – Lewis, D. “Scorekeeping in a Language Game”, *Journal of Philosophical Logic*, 1979, no. 8 (1), pp. 339–359.

Pacuit, 2013 – Pacuit, E. “Dynamic Epistemic Logic I: Modeling Knowledge and Belief”, *Philosophy Compass*, 2013, no. 8 (9), pp. 798–814.

Paducheva, E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost’ s dejstvitel’nost’ju* [The Statement and its Correlation with Reality]. Moscow: Nauka, 1985, 272 pp. (In Russian)

Popova, D.P. “Mesto impozicii v tipologii znachenij” [The Place of Imposition in the Meaning Typology], *Voprosy jazykoznanija*, 2022, no. 6, pp. 111–122. (In Russian)

Potts, 2005 – Potts, C. *The Logic of Conventional Implicatures*. Oxford: Oxford University Press, 2005, 246 pp.

Potts, 2007 – Potts, C. “Into the Conventional-Implicature Dimension”, *Philosophy Compass*, 2007, no. 2 (4), pp. 665–679.

Potts, 2015 – Potts, C. “Presupposition and Implicature”, in: Shalom Lappin, Chris Fox (eds.) *Handbook of Contemporary Semantic Theory*. Wiley-Blackwell, 2015, pp. 168–202.

Sakama et al., 2015 – Sakama, C., Caminada, M., Herzig, A. “A Formal Account of Dishonesty”, *Logic Journal of the IGPL*, 2015, no. 23 (2), pp. 259–294.

Simons, 2013 – Simons, M. “On the Conversational Basis of Some Presuppositions”, in: A. Capone, F. Lo Piparo, M. Carapezza (eds.) *Perspectives on Linguistic Pragmatics*. Springer Science & Business Media, 2013, pp. 329–348.

Stalnaker, 1978 – Stalnaker, R. “Assertion”, *Syntax and Semantics*, 1978, no. 9, pp. 315–332.

Stalnaker, 2002 – Stalnaker, R. “Common Ground”, *Linguistics and Philosophy*, 2002, no. 25 (5/6), pp. 701–721.

Stalnaker, 1973 – Stalnaker, R. “Presuppositions”, *Journal of Philosophical Logic*, 1973, no. 2, pp. 447–457.

Strawson, 1950 – Strawson, P.F. “On Referring”, *Mind*, 1950, vol. 59, no. 235, pp. 320–344.

van Eijck, Unger, 2007 – van Eijck, J., Unger, C. “The Epistemics of Presupposition Projection”, *Proceedings of the sixteenth Amsterdam Colloquium*, 2007, pp. 235–240.

von Fintel, 2004 – von Fintel, K. “Would You Believe it? The King of France is Back! (Presuppositions and Truth-Value Intuitions)”, in: M. Reimer, A. Bezuidenhout (eds.) *Descriptions and Beyond*. Clarendon Press, 2004, pp. 269–296.